

А.С. Волжский

**Святая Русь и русское
призвание**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А.С. Волжский**
Святая Русь и русское призвание / А.С. Волжский – М.: Книга по Требованию,
2024. – 88 с.

ISBN 978-5-458-56623-0

ISBN 978-5-458-56623-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

откровения, признать ихъ писаніе, такимъ образомъ, священнымъ писаніемъ и провидѣнія ихъ пророчествованіями значило бы просто-напросто впасть въ прелесть, поддаться дерзкому искушенію самочиннаго и своеумнаго обоженія. Однако и отбросить эти великія русскія мысли о Россіи, эти проникновенія и прозрѣнія Россіи о самой себѣ, также нельзя безъ самозваннаго юродства и гордаго уродства. Считаться съ ними въ качествѣ какъ бы особаго вида пророчествованія отъ человѣковъ приходится просто изъ послушанія, изъ правдивой простоты требованія разума и сердца. И ничто, никакое живое слово человѣческое, русское слово, — отъ мечтаній московскихъ людей XV вѣка о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, до..... Вл. Соловьева, Достоевскаго и Константина Леонтьева, ничто не только не можетъ быть сброшено съ текущаго счета русскаго мессіанскаго самосознанія, но и должно быть призвано въ своемъ правѣ раскрывать идею націи, русскую идею, тайну святой Руси, думать о ней во времени, хотя полное завершающее и окончательное раскрытіе того, что Богъ думаетъ о ней въ вѣчности, возможно, конечно, только въ порядкѣ откровенныхъ знаній подлинныхъ пророчествованій и обѣтованій. Разумѣется также, что не всякое русское слово о судьбахъ Россіи, призванное въ своемъ правѣ, должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ признано и въ своей правдѣ. Много званыхъ, мало избранныхъ. Но, во всякомъ случаѣ, прозрѣнія сыновъ человѣческихъ въ идею націи возможны. А если имъ, —отцамъ и братіямъ нашимъ, —можно, то и намъ не невозможно мыслить-молить о судьбахъ родины своей. Если они должны быть и есть въ насъ, то мы можемъ и должны быть въ нихъ и усиліями со-

борнаго русскаго мышленія-моленія соучаствовать въ судьбахъ русскаго мессіонизма, въ вѣчной Божіей мысли о святой Руси.

Перелетая мысленно отъ стародавнихъ мечтаній московскихъ людей временъ собранія русской земли къ точкѣ срыва въ современность, я не случайно назвалъ три имени: Вл. Соловьева, К. Леонтьева и Достоевскаго. Здѣсь послѣдніе слѣды великаньихъ шаговъ русскаго мессіонизма и вмѣстѣ три типичныхъ разрѣшенія вопроса о русскомъ призваніи, три послѣднихъ разгадки стародавней русской загадки. Далѣе не то, что обрывъ, а гуль современности, сложность и боль настоящаго дня, муки умиранія и рожденія вмѣстѣ, словомъ плавучесть, а потому и незаконченность узора. На грани же нашего времени эти три младшихъ богатыря русскаго мессіонизма, эти, въ нѣкоторомъ смыслѣ, первые среди послѣднихъ славянофиловъ величественно и красиво замыкаютъ собой путь русской мысли, пройденный отъ пробужденія русскаго мессіонизма послѣ Отечественной войны 1812 г. въ раннемъ славянофильствѣ и окончательно заверченный до начала войны 1914 г. Узорчато углубленныя мысли, идущія отъ нихъ въ современность, всѣ проходятъ черезъ глуби изломовъ этой нашей неизжитой современности и незавершенными, недорисованными уходятъ въ тайну настоящей войны, въ тайну временъ грядущихъ.

Вѣнчанное кольцо мыслей о русскомъ призваніи, развернувшееся въ славянофильствѣ, какъ бы слилось и замкнулось въ какой-то спайкѣ на этихъ трехъ именахъ, и каждое изъ нихъ влилось въ него самоцвѣтнымъ камнемъ. Стало три загадочно глазастыхъ драгоцѣнныхъ камня въ кольцо. И вѣнчаль-

ное прежде оно стало перстнемъ, чудо-перстнемъ, упавшимъ въ море русской мысли. Вылавливай его и разгадывай таинственный смыслъ камней самоцвѣтныхъ. Ничто живое и русское не осталось внѣ кольца, въ цвѣтистой игрѣ его радужныхъ сіяній можно видѣть и крылатую радость Пушкина и мглесто-огненную тайну Гоголя и всѣхъ и вся... Однако, вѣнчальное-обручальное оно стало снова и опять перстнемъ... Что это? Или вѣнчанная и совсѣмъ уже брачная Россія все еще остается предбрачной, все еще невѣстится невѣста бѣлая; названная жена, она все еще дѣва, но женихъ съ ней и радость не-сказанная.

I.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ испытаніяхъ Отечествен-ной войны, Россія, среди боли, мукъ и восторговъ, какъ бы обрѣла себя, вдругъ обрѣла и изумилась изумленіемъ великимъ, обрѣла и умилилась умиле-ніемъ дивнымъ. Въ эту страстную годину свою страна пережила радость встрѣчи съ собой. Эта радость встрѣчи съ собой, со своимъ внутреннимъ и тайнымъ, явленія съ сущностью, феномена съ нуменомъ, дается націи, какъ и отдѣльному человѣку, въ рѣдкія исклю-чительныя минуты и именно въ страстныя минуты, во дни внезапныхъ нечаянныхъ пробужденій, вели-кихъ отчаянныхъ потрясеній, въ судные дни огнен-ныхъ озареній болевого воскрыленія, на краю бездны, въ бою, среди смертоносныхъ заболѣваній. И тогда какія-то большія внутреннія очи раскрываются у народа ли, у отдѣльнаго ли человѣка, и явственно свершается тогда какое-то чудо тайнозрѣнія, сокры-

таго видѣнія себя, глуби своей, сути внутри. Нація какъ бы въ видѣніи узритъ свое тайное какъ явное. Мистическую ночную звѣздную глубь правды своей, славы своей, вѣнчанной судьбы своей узритъ тогда нація какъ дневную будничную явь. И въ моментъ ниспосланнаго испытанія, на самомъ остріѣ рѣжущаго меча, въ сокровенномъ болевомъ узлѣ, разверзаются нѣдра народной сущности, и потомъ, возвращаясь къ нимъ сознаніемъ, творческая народная мысль питательно ими живетъ долго, долго... И оказавшись, такимъ образомъ, съ обрѣтенной находкой, наединѣ съ собой, Россія, окрыленная царственнымъ окрыленіемъ державной мечты своей, мечты вѣнчанной вѣнцомъ подлинной орлиной выси своей, соединила даль вѣковъ своего прошлаго съ живою грезой грядущаго благословенностью пережитой години Отечественной войны. Благословенное соединеніе, благословеніе священное и царственное, пророчесвенно раскрылось въ творческомъ осіяніи сначала дневнаго солнечнаго генія Пушкина, затѣмъ ночного, звѣзднаго генія Гоголя... Россія узрѣла себя, и обозначилось вокругъ нея благословенное кольцо. Пробудилась работа русской мысли, сознательной уже и вмѣстѣ органически слитой съ явленной народной былью. И вотъ на этой-то нивѣ созрѣла и, наконецъ, развернулась во всю свою истинно богатырскую мощь русская мысль о призваніи Россіи, такъ называемое славянофильство. Оно помѣстилось между двумя крайними точками русскаго непосредственнаго художественнаго творчества. Русская бѣлая явь въ Пушкинѣ и русскій вѣщій сонъ въ Гоголѣ, а между ними, тоже русская не былъ, да и не сказка, не явь, да и не сонъ—русскія думы и упованія славянофиловъ, мечта о святой Руси.

Славянофильство, какъ органической пластъ русской мысли, какъ литературно-историческую быль, не обидно помѣстить между мраморнымъ Пушкинымъ и бронзовымъ Гоголемъ. О нихъ отнюдь не иносказательно приходится говорить: богатыри. Хомяковъ, бр. Кирѣевскіе, К. Аксаковъ это вправду богатыри, старшіе богатыри славянофильства, богатыри сказочной были русской мессіанистической мысли.

Улыбкой ясною природа

Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.

Когда пробѣгаешь взоромъ по узорчатой душевной ткани того опыта мысли и жизни, который оставили послѣ себя эти славянофилы въ исторіи нашего общества, встаетъ въ сознаніи что-то утреннее, ярко свѣтящееся, насквозь прозрачное, чистое, золотистымъ солнышкомъ разогрѣтое и нѣжное-нѣжное, какъ рѣчной песочекъ, и вмѣстѣ цѣломудренно простое, дѣтски крѣпкое, уютно-теплое, бѣлое... Что-то дѣйствительно дѣтски простое было въ славянофильствѣ, цѣльное, русскою колыбелью пригрѣтое, но и дѣтски честное, правдивое, дѣтски глубокое вмѣстѣ. Золотистые ли сны подъ лазурной синевою небесъ, золото въ лазури, или солнечная позолота на снѣжно блестящей бѣлизнѣ. Праздничное утро, ранняя обѣдня и радость строгая, высокая, ревниво стерегущая свой день. Распахнулось окно въ садъ цвѣтистый, торжественно тихій и величаво задумчивый, радостью солнца все такъ и залито, а прозрачный воздухъ сочится видимыми струйками, бриллиантится зеленью листочковъ, лаской жары напоенная, обѣщающе трепетное жужжаніе и увѣряющій птичій щебетъ, цвѣточный концертъ запаховъ, а тамъ въ полѣ спѣлая рожь колосится, весело улыбочивое, жарко пахнетъ

хлѣбомъ, нагрѣтой землей и урожаемъ. Полная чаша даровъ земли, неиспитая еще, неизжитая, и не видать ей дна... А впереди—дали, дали синія, дали золотыя, такія же прекрасныя, какъ радужная правда сновъ былого. Чудное «было» тамъ, сзади, во снѣ: чудотворное что-то ждетъ — стережетъ, обѣщается впереди, зоветъ, манить и сулитъ рай сердцу русскому, кладъ тайный, кѣмъ-то заколдованный, птицу-жарь, обѣтованное бѣлое русское царство.

И вотъ отъ самаго этого златокудраго восхода славянофильства ранняго утренняго росистаго, прекраснаго даже въ преукрашенномъ славномъ язычествѣ своемъ, пушистомъ и мягкомъ, отъ самаго Хомякова, Ив. Кирѣевскаго и К. Аксакова до послѣдняго звена развитія сложной цѣпи славянофильской школы въ закатномъ уже вечернемъ, сумрачно мгlistомъ К. Леонтьевѣ съ его жертвеннымъ, крестнымъ, распятымъ славянофильствомъ, движется предъ нами одна и та же центральная проблема Востока и Запада, русскаго всемірно-историческаго призванія. Какъ извѣстно, славянофилы развивали свое ученье о русскомъ призваніи, раскрывали русскую идею въ противопоставленіи Россіи Европѣ. Постигая свое русское изнутри, глубиннымъ духовнымъ касаніемъ, интимно и тайнозрительно, они опредѣляли его въ сознаніи какъ органическое, цѣлостное, существенно-жизненное и религіозное по-преимуществу. Наше самосознаніе исторически явленное, какъ молнія при столкновеніи тучъ, въ войнѣ Россіи съ Европой въ 1812 г., развивается у славянофиловъ изъ противоположенія Россіи Западу, изъ критики западно-европейскихъ основныхъ началъ, западно-европейской образованности. Въ основѣ этого противопоставленія

восточное православіе, христіанство чистое, вѣрно хранимое на святой Руси, противоплагается католически-лютеранскому христіанству отъединившагося Запада. «Кромѣ разностей племенныхъ,—говорить Кирѣевскій въ своей знаменитой статьѣ «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношенія къ просвѣщенію Россіи»,—еще три историческихъ особенности дали отличительный характеръ всему развитію просвѣщенія на Западѣ: особая форма, черезъ которую проникло въ него христіанство, особый видъ, въ которомъ проникла къ нему образованность древне-классическаго міра, и, наконецъ, особые элементы, изъ которыхъ сложилась въ немъ государственность. Христіанство было душою умственной жизни народовъ на Западѣ, такъ же какъ и въ Россіи. Но въ Западной Европѣ проникло оно единственно черезъ церковь Римскую»¹⁾. Образованность древняго дохристіанскаго міра воспринималась европейскимъ Западомъ «почти исключительно въ томъ особенномъ видѣ, какой она приняла въ жизни древняго языческаго Рима». «Образованность греческая и азіатская въ чистомъ видѣ почти не проникла въ Европу до самаго почти покоренія Константинополя». Особенность римской культуры, по мысли Кирѣевскаго, выразилась въ господствѣ разсудочности надъ существенностью, «отличительный складъ римскаго ума заключается въ томъ именно, что въ немъ наружная разсудочность брала перевѣсъ надъ внутренней существенностью вещей». «Можетъ-быть,—высказывалъ догадку Кирѣевскій,—даже эта римская особенность,

¹⁾ И. В. Кирѣевскій, Полное собраніе сочиненій, т. I. Изд. «Пути», 1911 г., стр. 182.

эта оторванная рассудочность, эта излишняя склонность къ наружному сцѣпленію понятій была одною изъ главнѣйшихъ причинъ самаго отпаденія Рима». Такимъ образомъ, гармоническая цѣлостность внутренняго умозрѣнія, хранимая православнымъ Востокомъ, на католическомъ Западѣ уже съ самаго IX вѣка искривилась преломленіемъ ея въ односторонне-раціоналистической призмѣ языческаго Рима. «Такимъ образомъ, подчинивъ вѣру логическимъ выводамъ рассудка, Западная церковь еще въ IX вѣкѣ положила внутри себя неминуемое сѣмя реформаціи, которая поставила ту же Церковь передъ судомъ того же логическаго разума, ею самою возвышеннаго надъ общимъ сознаниемъ Церкви вселенской; и тогда еще мыслящій человѣкъ могъ уже видѣть Лютера изъ-за папы Николая I, какъ, по словамъ римскихъ католиковъ, мыслящій человѣкъ XVI вѣка могъ уже изъ-за Лютера предвидѣть Штрауса» ¹⁾).

Раціонализмъ христіанскаго Рима, вскормленный деспотіей односторонняго *ratio*, этого лжедержавнаго отвлеченнаго начала, господствующаго въ Римѣ языческомъ, подточилъ самыя основы религіозной культуры всего европейскаго Запада, основы незыблемыя въ христіанствѣ восточномъ. Тонкимъ губительнымъ ядомъ всеразлагающаго, всепожирающаго *ratio* отравлена вся западная культура, начиная съ основанія своего. Хомяковъ видитъ глубокое отличіе католическаго міра отъ православнаго, главнымъ образомъ, въ душевномъ нравственномъ безсиліи, въ измѣнѣ соборности христіанской любви, въ гордынѣ рассудочнаго самоутвержденія, отложившагося въ новыхъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 187, 190 и др.

догматахъ католичества. вмѣстѣ съ религіознымъ расколомъ и нравственнымъ отпаденіемъ Запада европейская мысль укрѣпилась на раціоналистической самозаконности своей, отравила все и сама отравилась собственнымъ ядомъ. «Раціонализмъ, или логическая разсудочность,—говоритъ Хомяковъ,—должна была найти себѣ конечный вѣнецъ и божественное освященіе въ новомъ созданіи цѣлаго міра. Такова была огромная задача, которую задалъ себѣ германскій умъ въ Гегелѣ... Логикѣ Гегеля слѣдуетъ назвать воодухотвореніемъ отвлеченнаго начала (Einvergeistigung des Seins). Никогда такой страшной задачи, такого дерзкаго предпріятія не задавалъ себѣ человѣкъ. Вѣчное, самовозрождающееся твореніе изъ нѣдръ отвлеченнаго бытія, не имѣющаго въ себѣ никакой сущности. Самосильный переходъ изъ нагой возможности во всю разнообразную и разумную сущность міра. Вымыселъ миеологіи, такъ же какъ и мелкое отрицаніе Мефистофеля, исчезаетъ передъ этимъ дѣйствительнымъ титанствомъ человѣческаго разума» ¹⁾. «Возсозданіе цѣльнаго разума (т.-е. духа) изъ понятія разсудка. Какъ скоро задача опредѣлила себя такимъ образомъ—путь долженъ былъ прекратиться: всякій шагъ впередъ былъ невозможенъ». И вотъ образуется «переродокъ раціонализма»—матеріализмъ. И здѣсь и тамъ скрывается злокачественная язва западнаго ума, «внутренняя болѣзнь» раціонализма—начало безвольности (нецессаріонизма), ведущая европейскую мысль къ распаденію, къ самоотравленію» ²⁾...

¹⁾ А. С. Хомяковъ. Собраніе сочиненій, изд. 1900 г., т. I, стр. 267—8.

²⁾ Тамъ же, стр. 291.

Самодержавному внѣшнему раціонализму западной философіи, повисшему надъ бездною въ нѣмецкомъ классическомъ идеализмѣ Гегеля, славянофилы противоплагаютъ органическую жизненность и гармоническую цѣлостность внутренняго духовнаго умозрѣнія православнаго Востока. Они сознательно и глубоко, какъ-то духовно-чувственно ставили философское познаніе въ зависимость отъ религіознаго опыта, отъ христіанскаго жизненнаго питанія. Славянофилы чутко и тонко вскрыли духовную нечувственность философской мысли Запада, ея религіозную безвольность, беспочвенность, оторванность отъ питательныхъ соковъ внутренняго и цѣлостнаго духа. Философъ славянофильства И. Кирѣевскій требуетъ пониманія мысли чувствомъ и духовной связи ея со всею существенностью жизненнаго опыта. Этимъ же отрывомъ отъ питательныхъ корней цѣлостнаго духа проникнута вся культура Запада.

Далѣе, въ раціонализмѣ европейскаго Запада коренится самоутвержденіе личнаго начала, особенно сильно сказавшееся въ сложеніи западно-европейской государственности. «Начавшись насиліемъ, государства европейскія должны были развиваться переворотами, ибо развитіе государства есть ничто иное, какъ раскрытіе внутреннихъ началъ, на которыхъ оно основано. Поэтому европейскія общества, основанныя насиліемъ, связанные формальностью личныхъ отношеній, проникнутыя духомъ односторонней расудочности, должны были развить въ себѣ не общественный духъ, но духъ личной отдѣльности, связываемый узлами частныхъ интересовъ и партій»¹⁾.

¹⁾ И. В. Кирѣевскій, т. I, стр. 192.